

Н.Л. Дювернуа

**Чтения по гражданскому
праву. Том 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Н11

Н11 **Н.Л. Дювернуа**
Чтения по гражданскому праву. Том 1 / Н.Л. Дювернуа – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 132 с.

ISBN 978-5-458-55159-5

ISBN 978-5-458-55159-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

§ 36.

III. Содержаніе волеизъявленія. — Волеизъявленіе и составъ института. — Содержаніе юридической сдѣлки и юридическаго института въ ихъ историческомъ взаимодействіи. — Встрѣчныя ученія по вопросу о причинѣ, вызывающей эффектъ сдѣлки. — Повѣрка ученія Виндшейда на примѣрѣ. — Ошибка въ правѣ. — Требованія Code civil и дѣйствующаго Свода для предотвращенія ошибокъ. — Общія требованія относительно содержанія сдѣлки. § 138, Нѣм. Гр. Ул. 96 г.

Мы установили выше (§ 31) понятіе юридической сдѣлки и рассмотрѣли два существенные реквизита волеизъявленія, въ ней выраженаго. Для силы сдѣлки необходима I гражданская дѣеспособность лица (§ 32) и II нуженъ, выражаясь словами нашего кодекса, непринужденный произволъ и согласіе (стг. 700 и 701 *).

Этотъ послѣдній реквизитъ (II) составляетъ необходимое *свойство* волеизъявленій, направленныхъ на измѣненіе юридическихъ отношеній.

Мы пытались выше установить юридическій смыслъ этихъ свойствъ волеизъявленія и пришли, въ связи съ ученіемъ о принужденіи и ошибкѣ, къ заключенію, что наличность извѣстныхъ пороковъ волеизъявленія не влечетъ за собою необходимо и всегда ничтожества сдѣлки. Понятія принужденія и ошибки введены дѣйствующими системами въ границы настолько точныя, что далеко не вездѣ, гдѣ, въ *естественномъ смыслѣ*, могли бы быть указаны признаки несвободы или ошибки, сейчасъ за этимъ должна слѣдовать инвалидація сдѣлки. Право вовсе не ставитъ себѣ единственной цѣлью огражденіе дѣеспособныхъ лицъ отъ возможныхъ воздѣйствій на ихъ волю со стороны и страхованіе ихъ отъ ошибокъ. Наоборотъ, по соображеніямъ вышлага общественнаго интереса, волеизъявленія ошибочныя и вынужденныя остаются, въ извѣстныхъ предѣлахъ, эффективными, хотя бы съ этимъ связаны были невыгоды и неудобства для субъекта сдѣлки.

Эту переработку естественныхъ *свойствъ* волеизъявленія для цѣлей юридическихъ мы назвали *внутреннимъ формализмомъ воли* въ составѣ юридической сдѣлки.

Изучая природу сдѣлки, мы не можемъ остановиться и на этой только сторонѣ ея строенія (свойствъ волеизъявленія). Намъ необходимо, на ряду съ этимъ, рассмотрѣть здѣсь же и третій необходимый общій элементъ строенія юридической сдѣлки, — именно:

*) Неточность перепечатки ст. 702 на стр. 651 (выше) прошу исправить.

III. *Содержаніе или составъ волеизъявленія.* Воля лицъ безъ опредѣленнаго въ юридическомъ смыслѣ состава, безъ извѣстнаго содержанія не дастъ въ результатѣ юридическаго строенія сдѣлки. Волеизъявленіе можетъ быть сдѣлано дѣеспособнымъ, безъ всякаго вліянія на него со стороны, безъ всякой ошибки у самого субъекта сдѣлки и не произвести никакого юридическаго эффекта, или произвести вовсе не тотъ эффектъ, на который волеизъявленіе было рассчитано.

Выше (стр. 636) мы указали, что волеизъявленіе должно быть направлено на измѣненіе правоотношеній не въ безразличной, такъ сказать, средѣ, а именно *въ составъ того или другого юридическаго института*. Изъявляя волю я, въ смыслѣ цивильномъ, достигаю измѣненія *правоотношеній*, но именно только правоотношеній, и отнюдь не болѣе, не измѣненія, напр., самого института, къ сферѣ коего данное правоотношеніе принадлежитъ.

Эффектъ волеизъявленія достигается, такимъ образомъ, въ составѣ сдѣлки вліяніемъ двухъ равнодѣйствующихъ, акта моей воли, съ одной стороны, и, съ другой, того содержанія, какимъ опредѣляется составъ соотвѣтствующаго института. Это взаимодействие будетъ имѣть всегда мѣсто, если составъ даннаго института есть опредѣлившійся, установившійся. Натурально, это будетъ иначе въ такихъ условіяхъ, когда институтъ есть еще только вырабатывающійся. Въ этихъ условіяхъ приходится вводить въ составъ самого *волеизъявленія* такія подробности, которыя, по невыработанности института, могутъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ. Объяснимся на примѣрѣ. Мы сказали выше, что нельзя сдѣлать эффективнаго волеизъявленія безъ *юридически* опредѣленнаго содержанія. И такъ, я изъявляю желаніе *приобрѣсти* такой-то домъ. Достаточно ли такихъ элементовъ волеизъявленія, чтобы ими опредѣлялось въ должной мѣрѣ содержаніе юридической сдѣлки? Натурально нѣтъ, ибо, во-1-хъ, *приобрѣтеніе* дома можетъ быть достигнуто и вовсе не юридическими средствами; а затѣмъ, внутри дозволенныхъ способовъ *приобрѣтенія*, мы требуемъ для юридическаго ихъ эффекта такой опредѣленности содержанія, какой не представляетъ взятая нами формула. Такого рода волеизъявленіе можетъ послужить началомъ предварительныхъ переговоровъ; но для формулировки юридической сдѣлки оно недостаточно.

Если способы *приобрѣтенія* правъ по имуществамъ въ данной системѣ дѣлятся на возмездные и безвозмездные, то будетъ ли достаточно опредѣленнымъ мое волеизъявленіе *со стороны его содержанія*, если я прибавлю, что я хочу *приобрѣсти* такой-то домъ *возмезднымъ способомъ*, куплей, за такую-то цѣну?

Огвѣтъ будетъ натурально зависѣть отъ того, какъ опредѣлилось понятіе купли въ данной системѣ и какой юридическій эффектъ вызываетъ пріобрѣтеніе куплей недвижимости для пріобрѣтателя. Въ избранномъ нами примѣрѣ самый объектъ сдѣлки недостаточно опредѣленъ въ юридическомъ смыслѣ понятіемъ *купли дома*. Это можетъ быть куплею недвижимости, но можетъ дать содержаніе и совсѣмъ иного рода сдѣлкѣ, *купли дома на свозъ*. А засимъ, подѣ куплей недвижимости въ старой нашей практикѣ (см. А. Ю. рядъ Новгородскихъ купчихъ подѣ № 71 отъ I до XXXVII) вовсе не разумѣлось необходимо акта возмезднаго отчужденія вещи безповоротнo, въ вѣчную и потомственную собственность пріобрѣтателя. Проданная земля, домъ, нормальнымъ образомъ, подлежали *выкупу* продавца. Чтobъ установить переходъ права собственности навсегда, потомственно, безповоротнo, надо было ввести въ составъ сдѣлки особую квалификацію пріобрѣтенія, *въ прокъ, въ вѣкъ, въ дернъ, себѣ и дѣтямъ, безъ выкупа*.

Это свойство *купли въ вѣкъ, себѣ и дѣтямъ*, изъ нормальнаго состава *сдѣлки* перешло въ нормальное содержаніе самого института купли-продажи вещей въ позднѣйшемъ и современномъ правѣ. Продавецъ, который хочетъ оставить за собой право выкупа проданной вещи, долженъ въ новыхъ условіяхъ особенно выговорить въ свою пользу такую льготу, ибо нынѣ никто безъ этой оговорки не пойметъ и не исполняетъ волеизъявленія *продать*, иначе какъ въ смыслѣ отчужденія *безвѣчно и безповоротнo*, по выраженію Уложенія Царя А. М., покупщику права собственности на данную недвижимость. Исключеніе будутъ составлять только опредѣленные виды недвижимостей, напр., въ нашемъ правѣ имущества родовыя.

Такимъ образомъ, содержаніе сдѣлки купли-продажи недвижимости опредѣляется въ практикѣ нашего времени не перечетомъ всѣхъ специфическихъ признаковъ волеизъявленія въ составѣ сдѣлки, а, во-первыхъ, составомъ волеизъявленія, и, во-вторыхъ, содержаніемъ совершенно, такъ сказать, объективировавшагося нынѣ института купли-продажи недвижимостей.

Изъ сказаннаго ясно, что нѣкоторые элементы строенія института вырабатываются, *въ смыслѣ историческомъ*, подѣ прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ волеизъявленій, какъ онн нормально практикуются. Этой исторической сторны вопроса мы не будемъ больше касаться. Такой процессъ выработки содержанія гражданскихъ институтовъ изъ состава сдѣлокъ легко наблюдать на любомъ ихъ видѣ, на правѣ договорномъ, на залогѣ, на завѣщаніяхъ и проч.

Для насъ здѣсь, по вопросу о *содержаніи* волеизъявленія, будетъ любопытнѣе остановиться на сравнительномъ сопоставленіи исторически уже опредѣлившагося содержанія одного и того же института въ двухъ разныхъ системахъ. Для примѣра мы возьмемъ куплю-продажу движимостей въ латинскомъ и нашемъ правѣ. Степень разработки этого института въ той и другой системѣ покажетъ намъ, въ какихъ предѣлахъ можетъ колебаться неизвѣстность содержанія сдѣлокъ однородныхъ въ двухъ разныхъ системахъ.

Я продаю движимость покупщику N. Извѣстно, что для перехода права собственности на вещь въ латинскомъ и нашемъ правѣ необходима передача (традиція) покупщику проданной вещи. Когда совершенъ договоръ купли-продажи, то, при дѣйствіи латинскаго института, содержаніе сдѣлки будетъ истолковано въ томъ смыслѣ, что на покупателя, съ момента договора, перейдутъ всѣ плоды и приращенія вещи (*commoda rei*), но вмѣстѣ съ этимъ на него ляжетъ и такъ назыв. *periculum interritus et deteriorationis*. Мы беремъ только эту сторону вопроса. И такъ, чего хочетъ приобретатель, совершая эту сдѣлку, это ясно изъ его волеизъявленія и изъ состава института. Онъ хочетъ передачи ему вещи, а до передачи несетъ на себѣ рискъ ухудшенія или гибели вещи и вмѣстѣ приобретаетъ всѣ выгоды ея доходности и приращеній съ момента заключенія договора. Откуда мы раскрыли все это содержаніе сдѣлки? Изъ волеизъявленія приобретателя въ составѣ опредѣлившагося *латинскаго* института купли-продажи.

Дастъ ли намъ такое же волеизъявленіе эту мѣру опредѣленности содержанія сдѣлки, въ составѣ нашей дѣйствующей системы, т. X, ч. I? Далеко нѣтъ! За исключеніемъ вопроса о повышеніи цѣны проданной, но не переданной вещи, о коемъ трактуетъ ст. 1513, другихъ эвентуальностей за этотъ промежутокъ времени наше законодательство не разъясняетъ вовсе. Въ виду этого было бы несомнѣнно полезно предусматривать всякій разъ особо эти эвентуальности въ составѣ самого волеизъявленія.

Вотъ что мы хотѣли сказать, утверждая выше, что содержаніе сдѣлки опредѣляется при помощи двухъ равнодѣйствующихъ, *волеизъявленія лица и состава даннаго института*.

Вопросъ о томъ, что собственно вліяетъ на измѣненіе правоотношенія, когда на такое измѣненіе направлена юридическая сдѣлка, принадлежитъ къ числу крайне спорныхъ въ современной цивилистической вѣмецкой литературѣ. Есть рядъ писателей, которые объясняютъ эффектъ сдѣлки *дѣйствіемъ волеизъявленія*.

Causa efficiens перемѣнъ лежитъ именно въ извѣстномъ содержаніи нашей воли, выразившемся во вѣѣ.

Практическій смыслъ этого ученія былъ бы тотъ, что то, чего я не хочу, что не входитъ въ содержаніе моего волеизъявленія, то не войдетъ въ составъ сдѣла и не будетъ имѣть юридическаго дѣйствія. Такой взглядъ находимъ изъ виднѣйшихъ писателей у Виндшейда (Pand. § 69 пр. 1 а).

Убѣдиться въ односторонности этого ученія кажется намъ далеко не труднымъ. Люди, совершая акты юридическіе, далеко, конечно, не всегда представляютъ себѣ вполне *юридическій эффектъ* своихъ волеизъявленій. Но все же обыкновенно они имѣютъ въ виду, такъ сказать, „эмпирическій“ (Beschnitt) результатъ выраженной ими воли именно въ области права. Регельсбергеръ хорошо выражаетъ то же, говоря, что, совершая сдѣлку, мы принимаемъ обыкновенно все содержаніе института, не изучая его на дѣлѣ, а допуская, что общая норма всегда болѣе или менѣе удобопріемлема.

Значить ли, однако, что именно только тѣмъ, что мы себѣ представляемъ, и долженъ ограничиваться эффектъ юридической сдѣлки? Такая мысль была бы несомнѣнно ошибочною. Поэтому реакція противъ указаннаго ученія Виндшейда совершенно понятна. Писатели другого направленія, однако, вмѣсто того чтобы сдѣлать поправку ученія Виндшейда, идутъ гораздо дальше цѣли и утверждаютъ, что дѣйствіе сдѣлки зависитъ вовсе не отъ содержанія волеизъявленія, а всецѣло отъ состава даннаго института. Юридическій эффектъ сдѣлки ставятъ, такимъ образомъ, къ исключительную зависимость отъ объективной нормы, отъ закона. Къ этому кругу писателей принадлежатъ, между прочимъ, Лотмаръ, Шлосманъ, Бехманъ, мнѣнія коихъ тоже далеко не одинаковы (см. Ennecerus Rechtsgeschäft стр. 28 и слѣд.)

Выше мы пытались въ нашей конструкціи объяснить силу сдѣлки *сочетаніемъ момента воли съ содержаніемъ института*. Это общее положеніе, котораго *весь смыслъ* можетъ быть уясненъ лишь при изложеніи конкретнаго содержанія сдѣлокъ разнаго типа, обращенныхъ къ тому или другому институту данной системы.

Однако, въ общемъ смыслѣ нашу мысль мы можемъ вѣѣ же пояснить примѣромъ. Возьмемъ институтъ наслѣдованія умершему. Допустимъ, что въ составѣ этого института въ данной системѣ удержались явные слѣды стараго взгляда на обязанность наслѣдника *очищать душу умершаго наслѣдодателя* отъ лежащихъ на ней тягостей. На этой основѣ выработалось положеніе, что при-

явившій наслѣдство отъѣчаетъ за долги наслѣдственной массы *ultra vires*. Пусть въ данномъ случаѣ принявшій наслѣдованіе не только не знаетъ соответствующихъ статей дѣйствующаго законодательства (у насъ это ст. 1259, т. X, ч. I), но и вообще очень далекъ отъ подобныхъ „устарѣвшихъ“ воззрѣній. Возможно ли ограничить составъ акта приступа къ наслѣдству тѣмъ только содержавіемъ, которое доступно разумѣнію наслѣдника, т.-е. однимъ стяжаніями, допуская, что онъ остального дѣйствительно не зналъ?

Эго вопросъ о *нездѣльнѣ или ошибкѣ* не по отношенію къ содержавію сдѣлки, выраженному въ самомъ волеизъявленіи, а по отношенію къ нормамъ закона. Извѣстно, что наше законодательство, какъ и многія другія, ее допускаетъ отговорокъ, основанныхъ на невѣдѣніи закона, когда снѣ былъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ (ст. 62 Осн. Зак.). Этотъ общій принципъ не исключаетъ, однако, возможности ошибки или незнанія существенныхъ элементовъ строенія какого-либо института гражданского права или же неправильнаго и ошибочнаго его разумѣнія. Ошибка или незнаніе *въ вопросахъ права* составляетъ предметъ особой разработки въ классической литературѣ. Какъ извѣстно, въ общемъ латинское право считало ошибку въ фактѣ извинительной, ошибку въ правѣ неизвинительной. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что въ отдѣльныхъ случаяхъ результатъ можетъ быть обратный, т.-е. что ошибка въ правѣ именно скажется извинительной. Это можетъ условливаться трудностью въ данномъ вопросѣ найти исполнѣ несомнѣнный выходъ изъ спорныхъ мнѣній *), а затѣмъ и личными свойствами заблуждающагося (у римлянъ — женщинамъ, когда дѣло шло не о выгодѣ, а объ убыткѣ, воинамъ, простолудинамъ (шибка въ правѣ, какъ извѣстно, не вѣнялась). При этомъ по общему правилу, лицо, ищущее экскульпировать свою ошибку, обязано доказать не только ея наличность, но и извинительность ея для него **).

Въ интересахъ неизблемости юридическихъ сдѣлокъ было бы натурально весьма важно искать заранѣе увѣренности, что лицо, совершающее ее, ясно представляетъ себѣ все юридическое содержавіе совершаемой имъ сдѣлки. Выполнить, однако, это въ области гражданскихъ правоотношеній, не стѣсняя свободы и легкости обмѣна, дѣло до крайности трудное. И такъ, возможность *ошибокъ въ правѣ* и трудность ихъ поправокъ ложится

*) Savigny, System III, стр. 336 и слѣд.

**) Для французской литературы см. особое сочин. Vareilles-Sommières Etude sur l'erreur en droit romain et en droit français.

обыкновенно своей тяжестью на совершающихъ сдѣлки. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ законъ предусматриваетъ необходимость особой увѣренности въ томъ, что лица, вступающія въ сдѣлку, знаютъ все, къ чему ихъ обязываетъ по закону ихъ волеизъявление. Французскій кодексъ предписываетъ въ самый день вступленія въ союзъ супружескій прочтеніе, черезъ officier de l'état civil сторонамъ (т.-е. брачущимся) въ мѣстѣ, гдѣ совершается обрядъ гражданскаго бракосочетанія, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, всѣхъ документовъ, касающихся ихъ гражданскаго состоянія и обрядностей совершенія брака, и *шестой главы титула кодекса „О супружествѣ“* (эго 5-ый тит. 1-ой кн.) *„О взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ супруговъ“* *), послѣ чего officier de l'état civil выслушиваетъ волеизъявленіе сторонъ вступить въ супружество и именемъ закона объявляетъ бракосочетаніе совершившимся, о чемъ тутъ же составляется надлежащій актъ (art. 75).

Въ этомъ образцѣ какъ нельзя лучше видны всѣ моменты сдѣлки: 1) дѣеспособность, 2) матримоніальное волеизъявленіе, 3) ясность изъ состава указаннаго титула всего содержанія принятыхъ на себя сторонами взаимныхъ правъ и обязанностей, 4) обрядовая сторона.

Наше законодательство требуетъ, при совершеніи юридическихъ сдѣлокъ съ соучастіемъ нотаріуса, чтобы послѣдній допросилъ участвующихъ въ актѣ, дѣйствительно ли они по доброй волѣ желаютъ его совершить и *понимаютъ ли его смыслъ и значеніе* (Пол. о нотар. части ст. 89). Старое общее и подробное наставленіе (надсмотрщикамъ) о совершеніи и свидѣтельствованіи актовъ требовало, чтобы содѣйствующіе публичные органы *предостерегали простыхъ людей отъ такихъ распоряженій, которыя впоследствии могли бы служить къ ихъ ущербу* (т. X, ч. I, прил. къ ст. 708 ст. 63). Послѣднее постановленіе взято изъ петровской инструкціи надсмотрщикамъ 1719 года и въ составѣ теперь дѣйствующаго свода вовсе не разработано въ ближайшемъ его примѣненіи къ гражданскимъ послѣдствіямъ сдѣлокъ, совершаемыхъ *людьми простыми* нерѣдко, конечно, къ прямому ихъ ущербу.

*) Прочтеніе этого chapitre не вызываетъ никакого недоразумѣнія въ смыслѣ вправѣ. Чтеніе же соответствующ. §§ Прусск. Ландректа (см. выше, стр. 140 и слѣд.) представило бы, конечно, значительныя неудобства. Weschmann полагаетъ, что совершающій волеизъявленіе можетъ не знать подробностей и ограничиваться „эмпирическими“ результатами его. И его наставленіе сюда не подойдетъ, ибо Ландректъ трактуетъ въ указан. §§ не юридическій институтъ брака, а вовсе другую матерію.

Если мы беремъ. такимъ образомъ, волеизъявленіе въ составѣ сдѣлки въ прямой связи его съ тѣмъ или другимъ гражданскимъ институтомъ, то намъ нѣтъ надобности особенно указывать, что содержаніе волеизъявленія не должно быть противнымъ закону, безнравственнымъ, невозможнымъ въ смыслѣ его выполнения. Это само собою разумѣется. Законодательство наше, однако, не разъ возвращается къ позитивному опредѣленію состава и содержанія сдѣлки именно съ этой стороны. Публичные органы, содѣйствующіе совершенію актовъ, обязаны наблюдать, чтобы въ условіяхъ не было допускаемо *распоряженій противозаконныхъ* (указ. ст. 63 п. 1) и ябедническихъ вымысловъ (тамъ же, п. 2); тоже точнѣе въ ст. 90 Полож. о нотаріальной части, гдѣ предусматрѣно сохраненіе актовъ „противныхъ законамъ, ограждающимъ порядокъ управленія, общественную нравственность и честь частныхъ лицъ“.

Нѣмецкое Гражданское Улож. 96 г. идетъ много далѣе въ общихъ легальныхъ опредѣленіяхъ, касающихся содержанія юридическихъ сдѣлокъ. § 138 устанавливаетъ ничтожество юридической сдѣлки, противной добрымъ правамъ, а затѣмъ опредѣляетъ: ничтожна въ особенности та юридическая сдѣлка, посредствомъ которой подвергается эксплуатаціи крайность, легкомысліе, неопытность для имущественныхъ выгодъ эксплуатирующаго или третьяго, явно несоотвѣтствующихъ дѣйствіямъ, за которыя онѣ обѣщаны и стоимость которыхъ онѣ очевидно превосходятъ.

Эта замѣчательная статья составляетъ несомнѣнно обобщеніе легальныхъ мѣръ, которыя въ послѣднія три десятилѣтія очень заботили законодательство австрійское, прусское, отечественное, англійское даже, и направлялись противъ крайнихъ консеквенцій либеральныхъ экономическихъ доктринъ въ вопросѣ въ особенности о высотѣ роста, тяжкихъ неустойкахъ и штрафахъ, подъ гнетомъ коихъ гибли массы рабочихъ людей, заслуживающихъ лучшей участи.

Выполненіе благородной задачи, натурально, тѣмъ труднѣе, чѣмъ шире указанная формула захватываетъ всѣ стороны гражданского общенія въ общемъ понятіи юридической сдѣлки. Однако, только именно въ этомъ широкомъ примѣненіи, а не въ частностяхъ, можемъ найти себѣ удовлетвореніе чувство справедливости. Статья закона способна, конечно, указать лишь цѣль, къ которой надлежитъ идти въ этомъ дѣлѣ, и только продолжительное и настойчивое преслѣдованіе этой цѣли здоровой практикой приблизитъ нашу дѣйствительность къ этимъ *ria desideria* современнаго законодателя.

§ 37.

III. Содержаніе юридической сдѣлки (продолженіе).—Группировка сдѣлок по различію содержанія.—Неюридическій критерій нѣкоторыхъ группировокъ.—Сдѣлки абстрактныя и матеріальныя.—Общія замѣчанія.—*Вовсе ничего незначущія рѣчи*.—*Естественныя* побужденія (мотивъ) волеизъявленія.—Кausalность юридическая.—Разработка вопроса въ нѣмецкой литературѣ.—Условіе.—Абстрактныя (подвижныя) сдѣлки.

По различію содержанія юридическихъ сдѣлокъ ихъ издавна располагають въ различныя группы. Съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ весьма распространенныя категоріи сдѣлокъ *inter vivos* и *mortis causa*, сдѣлокъ возмездныхъ и дарственныхъ, одностороннихъ и обоюдныхъ, главныхъ, побочныхъ или придаточныхъ, условныхъ, срочныхъ и проч. Самые элементы, изъ коихъ слагается содержаніе юридическихъ сдѣлокъ, тоже изстари принято квалифицировать какъ существенныя, нормальныя, случайныя. Нѣкоторые пандектисты, по схоластической традиціи, ведутъ этотъ анализъ состава сдѣлокъ еще много дальше. Нѣтъ сомнѣнія, что, по разнымъ соображеніямъ, distincціи и сочетанія, основанныя на содержаніи сдѣлокъ, можно сдѣлать очень обильными и крайне развѣтвленными. Мы вовсе не будемъ разсматривать всѣхъ этихъ расчлененій и остановимся лишь на нѣкоторыхъ, особенно близкихъ къ нашей системѣ, чтобы уяснить себѣ, къ чему собственно ведутъ такія группировки въ смыслѣ общихъ юридическихъ проблемъ?

Насъ интересуетъ именно эта сторона дѣла.

Нѣкоторые изъ указанныхъ нами выше категорій сдѣлокъ служатъ основой для распредѣленія юридическаго матеріала въ составѣ кодифицированныхъ системъ. Этотъ приемъ виденъ частью уже въ юстиниановской кодификаціи. Изъ современныхъ кодексовъ его можно отмѣтить въ *Code civil*, особенно въ третьей книгѣ *Des différentes manières dont on acquiert la propriété* (art. 711, 1102—1106). Нашъ т. X ч. 1 книги второй раздѣлъ III (о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ *вообще*) не останавливается на этихъ группировкахъ. Но книга третья и четвертая расположены именно по этому критерию. Въ книгѣ 3-й мы имѣемъ соответствующій титулу 2-ому книги 3-ей *code civil* (*des donations entre vifs et des testaments*, art. 893 — 1100) раздѣлъ первый, трактующій о *дарственномъ* или *безвозмездномъ* пріобрѣтеніи правъ на имущество. Сюда входятъ: пожалованіе, *дареніе*, выдѣлъ, приданое, *духовное завѣщаніе*. Раздѣлъ 3-ій даетъ намъ не противоположеніе группы *дарственныхъ* способовъ группѣ

возмездныхъ, какъ можно было ожидать, а *порядокъ обоюднаго приобрѣтенія* правъ на имущества, куда включена купля и мѣна, но не другіе виды договорныхъ обязательствъ, для которыхъ, по особымъ основаніямъ (о чемъ позже), наша кодификація резервировала четвертую книгу.

Всмотрѣвшись ближе въ эти приемы анализа сдѣлокъ по различію ихъ содержанія, мы легко замѣтимъ, что въ нихъ далеко не первое мѣсто принадлежитъ *собственно юридическимъ* основамъ конструкціи. Сдѣлки дарственные и testamentарныя съ извѣстной точки зрѣнія, конечно, могутъ быть связаны въ одну категорію, но эта связь чисто матеріальная, черта выгоды, стяжанія, видная и тутъ и тамъ, а вовсе не общая конструктивная юридическая основа двухъ названныхъ видовъ сдѣлокъ, даренія и testamentа. Точно также только *экономическая* точка зрѣнія подскажетъ намъ сочетаніе въ одну категорію сдѣлокъ дачу приданого, пожалованіе, пожертвованіе. Именно юридическая сторона дѣла здѣсь далеко не на первомъ планѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ группировокъ не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго для особенностей юридической природы сдѣлокъ. Другія, напримѣръ, „обоюдныя“ сдѣлки всего чаще совсѣмъ не выдерживаются послѣдовательно до конца, а представляютъ какія-то попытки отличать ихъ отъ одностороннихъ, причемъ, напр., дареніе и традиція (передачи) не окажутся въ составѣ обоюдныхъ сдѣлокъ, тогда какъ оспаривать ихъ договорный, т.-е. тоже обоюдный, въ юридическомъ смыслѣ, характеръ, конечно, весьма трудно. Очевидно, что подъ „обоюдностью“ наша кодификація разумѣетъ тоже взаимно-выгодный въ экономическомъ смыслѣ, а не обоюдный въ смыслѣ юридическомъ, т.-е. *договорный* характеръ приобрѣтенія.

Такія группировки несомнѣнно составляютъ приемъ разработки юридическаго матеріала внѣшній, условленный совсѣмъ не самимъ матеріаломъ, а необходимостью такъ или иначе привести его въ нѣкоторый порядокъ, хотя бы, такъ сказать, навязанный ему. Въ результатѣ это не систематика юридическихъ явленій, а какъ бы подмости, лѣса, которые помогаютъ разобратся въ матеріалѣ, но вовсе натурально не способны замѣнить собою того плана, по коему имѣетъ быть воздвигнуто цѣлое зданіе и расположены его части. Этотъ планъ зданія и эти входящія въ него группировки частей не могутъ быть чуждыми матеріалу, изъ коего зданіе возводится. Для системы юридическихъ институтовъ основы ихъ сочетанія и расчлененія должны быть *юридическія*, а не внѣшнія, не экономическія. Лѣса и подмости